А. А. Дорская

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО (АДМИНИСТРАТИВНОГО) И ЦЕРКОВНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена исследованию взаимодействия полицейского (административного) и церковного права — отраслей права, которые параллельно развивались в Российской империи в конце XVIII — начале XX века и долгое время не изучались после 1917 года. Показано, что основной задачей полицейского права Российской империи являлась защита общественной безопасности и благосостояния, которые развивались под воздействием трех основных субъектов — государства, общества и церкви. Раскрыто взаимодействие полицейского и церковного права в таких сферах, как отправление богослужения, общественное призрение, благотворительность и образование.

Ключевые слова: полицейское (административное) право, церковное право, полиция безопасности, полиция благосостояния, социальное служение церкви, общественная безопасность, полицейская деятельность государства.

A. Dorskaya

THE INTERACTION OF THE POLICE (ADMINISTRATIVE) AND THE CHURCH LAW IN THE RUSSIAN EMPIRE

The interaction between police (administrative) law and church law — the branches of law developing simultaneously in the Russian Empire at the end of the XVIII century — at the beginning of the XX century — is regarded. These branches have not been studied since 1917. It is shown, that the main goal of the police law of the Russian Empire was the protection of public safety and common wealth, the State, the Society and the Church influencing their development. The interaction between police law and church law in such fields as divine service, public assistance, the charity and education is described.

Keywords: Police (administrative) law, church law, police of security, police of wellbeing, social service of the church, public security, police activities of the state

В XVIII веке в Европе возродилось деление права на публичное и частное, известное еще в древнем мире. В России в этот период в законодательстве царил страшный хаос. Было создано десять комиссий, целью которых была систематизация российского права, но их деятельность по разным причинам закончилась неудачей. В Своде законов Российской империи законодательный материал был

изложен в соответствии со следующим принципом: «Два союза, два порядка отношений необходимы в государстве: союз государственный и союз гражданский. Союз государственный есть внутренний и внешний. Союз гражданский есть или семейственный или союз по имуществам. Из союзов возникают права и обязанности. Те и другие определяются и охраняются законами. Отсюда — два порядка законов: законы государственные и законы гражданские» [28, с. 432].

Однако в первом издании Свода законов Российской империи 1832 года деление на публичное и частное право не было четко выдержано. После норм публичного права (основные законы и учреждения государственные, учреждения губернские, уставы о службе гражданской, свод уставов казенного управления, свод законов о состоянии людей) в томе X содержались нормы частного (гражданского) права, а затем свод уставов благочиния и свод законов уголовных вновь содержали публично-правовые нормы.

В последующих изданиях также четкого деления права на публичное и частное не было. Зато более четко стало проявляться деление права на отрасли. Оформлялось государственное, административное, гражданское, уголовное, финансовое, уголовно-процессуальное и гражданско-процессуальное, церковное право [22, с. 5–7].

Из развивающихся в России в XIX — начале XX века отраслей права выделим две, нормы которых только еще оформлялись, — это полицейское (административное) и церковное право. У данных отраслей права и наук, их изучающих, сходная судьба. Они не успели до конца сформироваться до 1917 года, а затем церковное право перестало существовать и изучаться в связи с отделением церкви от государства [4, с. 6], а относительно полицейского права в общественном сознании возбуждалась настоящая фобия [5, с. 5]. Вновь обращение к церковному праву произошло с конца 80-х годов, и особенно в 90-е годы, а к полицейскому праву — с 70-х годов.

Полицейское (административное) право активно развивалось во второй половине XVIII — начале XX века. Считается, что родиной полицейского права является Германия. Первой специальной работой о полиции в западноевропейской литературе считается труд Делямаре «Трактат о полиции с историей ее учреждения, ее функций и прерогативы должностных лиц ее и т. д.» [15, с. 44]. Одним из родоначальников полицейского права был Иоганн Генрих Готлиб Юсти (1720–1771) [31], который относил к науке полицейского права меры, направленные на развитие и охрану способностей и наклонностей людей, а именно: заботы о религиозно-нравственном состоянии подданных, о гражданском состоянии подданных, попечение об охране внутренней безопасности. В 1765 году в Вене Иосиф Зонненфельс (1732–1817) издал «Положения из полицейской, торговой и финансовой науки», в которых предмет полицейской науки ограничивался установлением и охраной внутренней безопасности, среди которых были и меры, касающиеся духовного благосостояния (попечение об образовании, об исправлении нравов) [29, с. 25–27]. Заметный вклад в становление полицейского права внес Генрих Берг, издавший в 1799 году шеститомное «Руководство к немецкому праву» и разделивший его: 1) на полицию благосостояния, или право публичной безопасности: народонаселение, здоровье, домашний порядок, религия, обучение, нравы, несчастные случаи, сельское хозяйство, городское хозяйство), 2) на право частной безопасности (право общей полиции частной безопасности, право безопасности личности, собственности, свободы и чести) [29, с. 31–34].

Развитие полицейского права было вызвано тем, что «в XVII — первой половине XVIII столетий общественно-политическая ситуация в странах Западной Европы была такова, что настрадавшееся от мятежей, грабежа и насилия население видело в гражданском мире и согласии столь большое благо, что готово было простить нарождающемуся абсолютизму авторитарно-деспотические устремления, фактический отказ власти от признания «естественных», «прирожденных» прав и свобод личности в «обмен» на элементарную защиту своей жизни и благосостояния» [12, с. 17–18]. «Полицейские государства», доминировавшие в XVIII веке и обладавшие обширными полицейскими полномочиями, постепенно стали передавать часть их обществу [2, т. 1, Предисловие к первому изданию]. В связи с этим традиционным стало деление полицейского права на полицию безопасности и полицию благосостояния.

Постепенно полицейское право завоевало себе место и в системе юридического образования. Например, в 1819 году кафедры административного права были учреждены во всех университетах Франции.

В России преподавание полицейского права были введено в университетах согласно Университетскому уставу 1863 года. Согласно параграфу 15 в Московском, Санкт-Петербургском, Харьковском, Казанском университетах, а также в Университете Святого Владимира в Киеве создавались кафедры полицейского права, а само полицейское право делилось на учение о безопасности (законы благочиния) и учение о благосостоянии (законы благоустройства) [23, с. 6–7]. В Уставе Демидовского юридического лицея 1873 года оно называлось уже административным правом [18, т. 1, с. 16].

Соотношение понятий *полицейское* и *административное право* до революции так и не было четко определено. Иван Ефимович Андреевский (1831–1891), профессор Санкт-Петербургского университета, Николай Христианович Бунге (1823–1895), профессор Университета Св. Владимира в Киеве и многие другие использовали термин «полицейское право», который стал преобладающим благодаря авторитету Роберта фон Моля. Петр Николаевич Шеймин (1860–?), работавший в Новороссийском университете в Одессе, долгое время писал о полицейском праве, но в 1891–1897 годах использовал в своем учебнике другой термин, введенный Лоренцом Штейном и ставший господствующим в немецкой юридической литературе, — «Учебник права внутреннего управления» [27]. Профессор Московского университета Иван Трофимович Тарасов (1849–1929) говорил как о полицейском, так и об административном праве. В результате, как писал на рубеже XIX–XX веков Оттон Оттонович Эйхельман (1854–?), профессор Университета Св. Владимира, несмотря на критическое отношение к термину «полицейское право», «оно по традиции, а отчасти по случайным обстоятельствам сохраняется в России… Оно есть официальное название в наших учебных планах» [30, с. 5].

Предмет науки полицейского права определялся, в основном, одинаково. Так, Иван Иванович Янжул (1845–1914) считал, что это — «наука, имеющая своей задачей изучение всей совокупности мер, предпринимаемых государством для удовлетворения материальных и духовных интересов народа» [32, с. 3]. И. Т. Тарасов писал, что «наука полицейского права есть наука о правовых нормах, определяющих полицейскую деятельность государства; она исследует правоотношения, возникающие из этой деятельности, отношения, долженствующие существовать между государством и индивидом, обществом и народом с его промышленностью, просвещением,

обычаями, верой, нравственностью и потребностями и т. п.» [18, с. 16].

Параллельно с полицейским (административным) правом в России развивалось церковное право. Мысль о необходимости его развития и преподавания впервые была высказана еще в царствование Федора Алексеевича (1676–1682) в проекте Устава Славяно-греко-латинской московской академии [14, с. 12], но данный устав так и не был принят.

Однако развитие церковного права, как и полицейского, началось только в конце XVIII века. В 1798 году появился указ Святейшего Синода, согласно которому во всех духовных академиях вводилось чтение и объяснение кормчих книг и Книги о должностях приходского священника [16, Собрание 1, т. 15, № 18726]. В духовных академиях для богословских классов были введены такие новые науки, как герменевтика, церковная история, пасхалия, пастырское богословие и каноническое право [14, с. 296].

При Александре I церковное право вошло в курс богословских наук и стало преподаваться в духовных академиях в систематическом виде. С 1835 года преподавание церковного права было введено в университетах. Согласно статье 14 «Общего устава Императорских российских университетов», Высочайше утвержденного 26 июля 1835 года, «для догматического и нравоучительного богословия, церковной истории и церковного законоведения определяется особая, не принадлежащая ни к какому факультету кафедра для всех вообще студентов греко-российского исповедания» [16, Собрание 2, т. 10, отделение 1, № 8337]. Преподавание церковного права (законоведения) поручалось профессорам богословия. Определением Святейшего Синода от 10 мая 1840 года церковные законы были введены также в духовных академиях и семинариях как самостоятельный предмет.

Развитие церковного права в России было детерминировано несколькими причинами.

Во-первых, определенная при Александре I проблема необходимости систематизации российского права и попытки ее решения в царствование Николая I предопределили приведение в систему и церковного законодательства, регулирующего важнейшие вопросы жизни подданных Российской империи, таких как правовой статус, семья, имущественные отношения и т. д. Свод законов Российской империи не систематизировал церковное право, однако многие затронутые в нем вопросы показали как одно из направлений дальнейшей работы — систематизацию церковного права.

Во-вторых, здесь присутствовал политический момент. Многие западные католические и протестантские ученые в своих работах подчеркивали, что в России церковное право «есть нечто недоразвившееся, не определившееся; что оно отчасти есть слабое подражание византизму» [7, с. 2]. Такая позиция противоречила теории официальной народности, провозгласившей три основы русской жизни «Самодержавие. Православие. Народность», поэтому русские ученые должны были опровергнуть эти теории.

В-третьих, развитие науки церковного права во многом было обусловлено распространением в России идей исторической школы права. Как отмечает Н. В. Акчурина, направление русской юридической науки, возникшее под влиянием данной школы, занималось, главным образом, «теоретическим осмыслением процесса происхождения и развития русского права» [1, с. 19], что делало неизбежным обращение к церковному праву. Распространению исторической школы права в России способствовала также кадровая политика правительства в российских университетах. Открытые в на-

чале XIX века факультеты правоведения большинства российских университетов сначала обслуживались, как правило, иностранными преподавателями. Но они не могли удовлетворить запросы, связанные с идеологией «официальной народности», поэтому с конца 20-х годов началась новая подготовка профессорско-преподавательского состава, предусматривающая заграничную стажировку. Центром для нее были выбраны университеты Германии, где господствовали идеи исторической школы.

Университетский устав 1863 года ввел преподавание церковного права на всех юридических факультетах империи и сделал этот курс обязательным для всех студентов-юристов.

Дореволюционные юристы определяли церковное право как «особую правовую систему». После 1917 года и вплоть до конца 80-х годов XX века церковное право практически не изучалось. Современная юридическая наука позволяет определить церковное право Российской империи как отрасль права, представляющую собой совокупность правовых норм, определяющих организацию и деятельность церквей. Церковное право дореволюционной России имело свой объект регулирования — все сферы жизни, прямо или косвенно связанные с интересами Церкви. Предметом церковного права были общественные отношения, возникающие в процессе осуществления прав церковной организации и верующих. К методам церковного права можно отнести как императивный, так и диспозитивный — при преобладании первого.

Некоторая неясность наблюдалась в соотношении понятий «церковное право» и «каноническое право». По нашему мнению, эти термины в конце XVIII — начале XX века существенно различались. Нормы канонического права принимались только церковными органами и становились нормами церковного права, только если получали санкцию государства. Например, в Уставе духовных консисторий. Церковное право — это позитивное право, источником которого являлось государство.

Если представители науки церковного права практически не отмечали его связи с полицейским (административным), то специалисты в области полицейского права признавали их взаимосвязь. Например, Роберт фон Моль [11] считал, что «полицейская деятельность в отношении духовной личности граждан имеет своим предметом развитие ума, охранение чувства нравственности, заботы о религиозном образовании и о развитии эстетического вкуса» [29, с. 38].

Российские исследователи разделились на две группы по вопросу о соотношении полицейского и церковного права.

Представители первой, как и их зарубежные коллеги, подчеркивали взаимосвязь церковного и полицейского права. Как писал И. Т. Тарасов, «церковное право, исследуя правоотношения, создаваемые организацией церкви и управления ею, касается многих предметов, анализируемых также и в науке административного права, которое, в свою очередь, исследует некоторые вопросы, имеющие значение для церковного права, как, например, вопросы о духовном просвещении, духовном благочинии, веротерпимости, миссиях, церковных братствах и т. п.» [17, с. 9]. Причем, по убеждению И. Т. Тарасова, говорить о соотношении церковного и полицейского права необходимо не только с точки зрения юридических наук или отраслей права. Он считал веру «началом и основой гражданского единения», так как «все эпохи…, в которых безверие в какой бы то ни было форме торжествует свою победу, исчезают из глаз потомства, если даже они и сияли обманчивым светом» [19, с. 26–28]. Кроме того, И. Т. Тарасов особо от-

мечал, что «наука административного права соприкасается ближе всего с так называемым церковно-государственным правом, определяющим отношения церкви к государству, другим религиозным объединениям и отдельным лицам, к ней принадлежащим» [17, с. 12]. В данном случае с известным дореволюционным специалистом трудно согласиться, так как речь идет о соотношении государственного и церковного права.

Интересная позиция была у Михаила Михайловича Шпилевского (1837–1883), работавшего в Новороссийском университете в Одессе. Он относил полицейское право к общественному праву и считал, что «в ближайшем отношении общественное право находится к праву церковному и духовному» [29, с. 147], только первое регулирует социальную жизнь светского общества, а второе — церковного, религиозного. Ученый высказывал мысль, с которой вряд ли можно согласиться, — что «…церковное право, как одна из самых разработанных отраслей правоведения, может иметь чрезвычайно благотворное влияние на науку общественного права в формальном, методологическом отношении» [29, с. 148].

Взаимодействие полицейского и церковного права подчеркивал и профессор И. Е. Андреевский. Он считал, что существуют следующие варианты взаимоотношений государства и церкви: 1) совпадение церкви с государством, как это было в древнегреческих государствах, 2) совпадение представителя церковной власти с представителем государственной власти (восточные теократии), 3) религиозные союзы являются совершенно независимыми от государства (США), 4) государство вмешивается в дела церкви, 5) одна из церквей получает определенное господство над другими. В итоге он сделал вывод, что «каждая из этих форм, выражающих отношение между государством и церковью, находится в органической связи с той совокупностью полицейских мер, которые государство принимает по отношению к созданию условий, обеспечивающих религиозное образование народа» [2, т. 2, с. 63–64].

Владимир Федорович Дерюжинский (1861–1920), также профессор Санкт-Петербургского университета, считал, что взаимосвязь полицейского и церковного права наблюдается в сферах народного образования и общественного призрения и благотворительности [6, с. 373–374, 423–424].

Представители второй группы не выявляли взаимосвязь церковного и полицейского права. Например, ординарный профессор И. И. Янжул в своем курсе полицейского права вообще не упоминал о праве церковном [32]. То же наблюдается в учебнике Н. Х. Бунге (Университет Святого Владимира в Киеве). Он рассматривал государственное благоустройство лишь как один из отделов экономической науки [3]. Ничего не говорилось о церковном праве в лекциях А. Трифонова, которые он читал в Военно-юридической академии. Даже говоря об общественном призрении, автор даже не упоминает церковь [21, с. 101].

Особую, промежуточную позицию занимал профессор Университета Св. Владимира О. О. Эйхельман. Говоря о взаимосвязи полицейского права с другими отраслями права, он не упоминал о церковном праве [30, с. 17–18]. Однако далее достаточно подробно комментировал первую часть тома XI Свода законов Российской империи — «Уставы духовных дел иностранных исповеданий»: «Эти вероисповедания рассматриваются с той точки зрения, что государство, не касаясь догматов их, признает известную внешнюю их организацию (духовное благоустройство) с правами власти в интересах своего населения, исповедующего эти религии» [30, с. 21].

Рассмотрим соотношение позитивного полицейского (административного) и церковного права.

В России полицейское законодательство вошло главным образом в XI –XIV тома Свода законов Российской империи. Тома XI и XII содержали законы государственного благоустройства, а тома XIII и XIV — законы государственного благочиния. Том XI содержал уставы духовных дел иностранных исповеданий, кредитный, торговый, фабричный, заводской и ремесленный уставы. Том XII — уставы путей сообщения, почтовый, телеграфный, строительный, пожарный уставы, а также уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях и о колониях иностранцев в России. В томе XIII содержались уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебный устав, а в XIV томе — уставы о паспортах, о предупреждении и пресечении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей и о ссыльных. Однако специалисты отмечали, что «этим не исчерпываются действующие полицейские законы» [17, с. 7].

Положения уставов духовных дел иностранных исповеданий устанавливали точные границы для деятельности полиции и администрации в данной области. Обобщая их, И. Т. Тарасов сформулировал следующие принципы полицейского права по отношению к различным религиозным союзам: 1) защищая господствующую церковь, не следует обращать эту защиту в тягостную опеку для одних и в тяжелейший гнет для других, 2) защищая господствующую церковь, нельзя в то же время и теми же мерами преследовать цели политические, 3) еврейский вопрос есть социальный вопрос, 4) при оценке мер относительно сектантов не следует упускать, что, во-первых, сектантство есть национально-историческое явление, а во-вторых, что явление это никоим образом не может быть устранено лишь мерами принуждения и репрессиями, 5) в совместной борьбе церкви и светской власти против сектантства вмешательство второй уместно только тогда, когда одно духовенство оказывается бессильным побороть зло, 6) последовательно проведенное начало веротерпимости служит лучшей защитой господствующей церкви [20, с. 214]. Однако на практике это было плохо выполнимо, так как данные принципы значительно расширяли существующее законодательство. Например, 13 июля 1868 года Санкт-Петербургский обер-полицмейстер отдал приказ полиции строго следить за тем, чтобы в столице не проживали иудеи, которые по закону не имели на это права [13, с. 188–191].

Взаимодействие полицейского и церковного права выявляется при анализе Устава строительного, содержавшегося в XII томе Свода законов Российской империи. Специальный раздел III был посвящен церковным зданиям и содержал в себе как церковные каноны, так и административно-правовые нормы [26, с. 132].

В XIII томе Свода законов Российской империи содержался Устав об общественном призрении. Роль церкви в данном вопросе всегда была велика. Как писал В. Ф. Дерюжинский, «в древней Руси, как и повсеместно, призрение бедных всецело покоилось на началах нравственно-религиозных» [6, с. 423–424]. С XVIII века общественным призрением занимался Святейший Синод. После губернской реформы Екатерины II — приказы общественного призрения. В результате реформ Александра II функции общественного призрения были распределены между земскими органами, органами городского самоуправления, сословными органами, опекунскими советами Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны, попечительствами о бедных духовного звания, пра-

вославными церковными братствами, министерством внутренних дел, Александровским комитетом о раненых, Императорским человеколюбивым обществом [18, т. 3, с. 237–239].

Согласно статьям 598 и 611 Устава об общественном призрении устанавливалось два способа помощи бедным духовного звания православного исповедания: постоянная и определенная помощь (добровольные и благотворительные приношения, кружечные сборы, часть доходов от свечной продажи, доходы кладбищ, деньги со штрафов, взимаемых по духовному ведомству, часть доходов от праздных и незанятых священнических и причетнических мест), а также случайные пособия [25, с. 133, 136].

Была установлена четкая схема помощи бедному духовенству. Это право было предоставлено попечительствам, которые должны были работать под наблюдением епархиальных архиереев (статья 599). Попечительства состояли из трех-шести человек, избираемых из белого духовенства, а в случае необходимости — и из черного духовенства (статья 601). Каждое попечительство имело одного-трех сотрудников в каждом уезде, избираемых из городского или сельского духовенства (статья 605). Кроме того, каждое попечительство имело секретаря и двух письмоводителей, которые считались состоящими на государственной службе (статья 607). Заседания должны были проходить ежемесячно, но допускался и другой график в зависимости от необходимости (статья 609).

В XIV томе Свода законов Российской империи содержался Устав о предупреждении и пресечении преступлений, получивший затем название «Устав благочиния и безопасности». Несколько глав этого устава находились во взаимосвязи с церковным правом.

Так, первая глава была посвящена «мерам против нарушения ограждающих веру постановлений». В ней детально регламентировались правила поведения в церквах во время богослужения и совершения церковных обрядов. Все должны были входить в церковь по доброй воле и с благоговением. Во время службы мирянам запрещалось находиться в алтаре, разговаривать, переходить с места на место, целовать иконы, подавать императору или другим лицам, наделенным властью, прошения. Согласно статье 10 предписывались двойные меры: «О происшествиях в церквах местное духовенство обязано доносить неукоснительно Святейшему Синоду и синодальному обер-прокурору, которые составленные из сих донесений ведомости подносят на Высочайшее усмотрение через каждые четыре месяца, а о происшествиях важных доносить тотчас; но независимо от сего и со стороны гражданской полиции (от которой не должны быть скрываемы священнослужителями никакие происшествия в церквах) также представляются Императорскому Величеству подробные донесения (через губернаторов в министерство внутренних дел) о важнейших происшествиях во всякое время, а о прочих в сроки, в Общем губернском учреждении определенные» [24, с. 7]. Причем необходимо отметить, что все эти меры относились к защите богослужений и обрядов всех признанных в Российской империи конфессий.

Полиция заботилась и о том, чтобы во время богослужений и вообще вблизи церквей (молитвенных домов) не было крика, драк и прочих нарушений порядка (статья 11). В воскресенья и дни религиозных праздников запрещались игрища, музыка, пляски (статья 12), все подданные Российской империи должны были ходить в церковь (статья 17). Работа в такие дни не запрещалась (статья 18). Во время крестных ходов, водосвятия, церковных торжеств полиция также следила за соблюдением «благочиния» (статья 13).

Особо полицейские органы должны были заботиться о том, чтобы не было лжепредсказаний и лжепредзнаменований. Если приходские священники должны были разоблачать «всякие суеверия», то полиция — не допускать осуществления суеверных обрядов (статья 24). О всех попытках сообщалось губернатору и в Святейший Синод (статья 26).

Кроме законов существовало множество подзаконных актов, регулирующих деятельность полицейских органов в отношении различных конфессий и их представителей. Так, например, в Санкт-Петербурге на всех участковых приставов возлагалась обязанность представлять в адресный стол сведения о всех церквах столицы, а чиновники адресного стола вносили в алфавитные указатели монашествующих лиц православного и армяно-григорианского исповеданий [9, с. 15–17].

Взаимодействие полицейского (административного) и церковного права происходило и в сфере образования. Так, например, И. Е. Андреевский считал, что к мерам, содействующим религиозному образованию народа, ведут: 1) содействие беспрепятственному отправлению богослужения и распространению религии, 2) содействие построению храмов с обеспечением иерархии, 3) заботы об училищах для приготовления служителей алтаря [10, с. 13].

Регламентация деятельности духовных учебных заведений началась при Петре I. В 1808 году была учреждена Комиссия духовных училищ, составившая первый Устав духовных учебных заведений, которые были разбиты на три группы: низшие (уездные и приходские духовные училища), средние (духовные семинарии) и высшие (духовные академии). В 1884 году был принят новый Устав духовных учебных заведений, сохранивший старую трехзвенную структуру.

Но взаимосвязь полицейского и церковного права не заканчивалась только на уровне духовных учебных заведений. Как отмечал И. Т. Тарасов, «забота об этом образовании (религиозном образовании народа. — *А. Д.)*, вполне согласующимся с интересами государства, также входит в сферу задач последнего, причем задача эта осуществляется, между прочим, введением Закона Божьего в круг предметов школьного преподавания, поручением этого преподавания духовенству, допущением не только земских, но и церковно-приходских школ и включением представителей духовенства в состав органов управления школьным делом» [20, с. 406].

Таким образом, основной задачей полицейского (административного) права Российской империи являлась защита общественной безопасности и благосостояния, которые развивались под воздействием трех основных субъектов — государства, общества и церкви. В связи с этим в функции полиции входила охрана церковных канонов и правил различных конфессий, получивших государственную поддержку. Полицейское право помогало реализации норм церковного права в таких сферах, как отправление богослужения, общественное призрение, благотворительность и образование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акчурина Н. В.* Историческое направление в русском правоведении XIX века: Автореф. дис. … д-ра юрид. наук. — Саратов, 2000.

2. *Андреевский И. Е.* Полицейское право. — СПб., 1874. Т. 1, 2.

3. *Бунге Н. Х.* Полицейское право Введение и государственное благоустройство. — Киев, 1869. Т. 1, 2.

4. *Варьяс М. Ю.* Краткий курс церковного права: Учебное пособие. — М., 2001.

5. *Губанов А. В., Зубов И. Н.* Полицейское право. Полиция государств дальнего зарубежья и международное полицейское сотрудничество. — Омск, 2000. Ч. 1.

6. *Дерюжинский В. Ф.* Полицейское право: Пособие для студентов. — СПб., 1903.

7. *Заозерский Н. А.* Право православной греко-восточной русской Церкви как предмет специальной юридической науки. — М., 1888.

8. *Зонненфельс И.* Начальные основания полиции или благочиния. — М., 1787.

9. Инструкция участковым приставам и чиновникам адресного стола о порядке собирания сведений и ведения алфавитных указателей о проживающих в Санкт-Петербурге лицах, а также о принадлежащих им недвижимых имуществах, казенных зданиях, сооружениях, площадях и разного рода заведениях // Руководство для служащих в полиции. Сборник узаконений, постановлений и распоряжений, касающихся полиции. — СПб., 1874. С. 15–17.

10. *Лешков В. Н.* Критика «Полицейского права» г. Андреевского. — М., 1873.

11. *Моль Р.* Наука полиции по началам юридического государства / Пер. Р. Сементковского. — СПб., 1871. Вып. 1.

12. *Овсянников Ю. Н.* «Полицейское право» в истории правовой мысли Западной Европы и России: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. — СПб., 2002.

13. Особые правила о пребывании евреев в Санкт-Петербурге. Приказ Санкт-Петербургского обер-полицмейстера от 13 июля 1868 г. № 195 // Руководство для служащих в полиции: Сборник узаконений, постановлений и распоряжений, касающихся полиции. — СПб., 1874. С. 188–191.

14. *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855.

15. *Тарасов И. Т.* Н. Бунге. Полицейское право. Введение в государственное благоустройство. Т. 1. Курс, читанный в Университете Св. Владимира. — Киев, 1869–1873; *Андреевский И.* Полицейское право. 2 т. СПб., 1871–1874; *Шпилевский М.* Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. — Одесса, 1875. Рецензии. — СПб., 1880.

16. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1, 2. — СПб., 1832–1836.

17. *Тарасов И. Т.* Краткий очерк науки административного права: Конспект лекций. — Ярославль, 1888. Т. 1.

18. *Тарасов И. Т.* Лекции по полицейскому (административному) праву. — М., 1908. Т. 1; М., 1915. Т. 3.

19. *Тарасов И. Т.* О значении веры и знания в жизни: Публичная лекция. — Ярославль, 1881.

20. *Тарасов И. Т.* Очерк науки полицейского права. — М., 1897.

21. *Трифонов А.* Полицейское право: Лекции, читанные в Военно-юридической академии. — СПб., 1886.

22. Указатель к Своду действующих законов Российской империи / Сост. Е. В. Антонов. — СПб., 1888.

23. Университетский устав 1863 г. — СПб., 1863.

24. Устав благочиния и безопасности // Свод законов Российской империи. — Пг., 1916. Т. XIV. С. 7.

25. Устав об общественном призрении // Свод законов Российской империи. — Пг., 1915. Т. XIII. С. 133–136.

26. Устав строительный // Свод законов Российской империи. — СПб., 1836. Т. XII. Ч. 4. С. 132.

27. *Шеймин П. Н.* Учебник права внутреннего управления (полицейского права). — СПб., 1891–1897. Вып. 1–9.

28. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. — М., 1911. Вып. I. Т. I.

29. *Шпилевский М. М.* Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. — Одесса, 1875.

30. *Эйхельман О. О.* Русское полицейское право: Конспект лекций, читанных студентам юридического факультета Императорского университета Св. Владимира. — Киев, 1898.

31. *Юсти И. Г.* Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния / Пер. И. Богаевского. — СПб., 1772–1778. Ч. 1–4.

32. *Янжул И. И.* Полицейское право. Б/м., 1885–1886. Литография.